

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВсОШ ПО ЛИТЕРАТУРЕ – 2023/2024
10 КЛАСС

1. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выберите поэтический ИЛИ прозаический текст, напишите литературоведческое исследование, опираясь на вопросы.

1.1. Внимательно прочитайте стихотворение Давида Самойлова «Давай поедem в город...». Как природный мир связан с чувствами лирического героя? Каким символическим смыслом наделен образ осени? Опираясь на вопросы, уместно используя литературоведческие понятия и термины, напишите литературоведческое исследование.

Давид Самойлов

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега, листопады
Недавно отшуршали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный.
И кажется, что город
Стоит ненаселенный, —

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних...

О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,

И что, порой, напрасно
Давал страстям улечься,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

1963

Давид Самойлов (1920 - 1990) – русский советский поэт переводчик, один из крупнейших представителей поэтов-шестидесятников.

1.2 Внимательно прочитайте Рассказ Ирины Лукьяновой «Эффект иризации». Как связаны друг с другом имя героини и название рассказа? Каким свойством наделено зрение главной героини? На какой античный миф опирается автор? Опираясь на вопросы, уместно используя литературоведческие понятия и термины, напишите литературоведческое исследование.

Ирина Лукьянова Эффект иризации

– Ирка-дырка, – заорал он.
– Ирка-дырка, Ирка-дырка.
– Убью, – безнадежно подумала я. – Но меня не оправдают.
– Ирка-дырка, – подключились остальные.
Я подождала, пока они задействуют весь репертуар. Задействовали.
– Лукьяшка-обезьяшка! Их было восемь, и они радостно плясали танец дикарей вокруг меня одной.
– Я вас сейчас... – закричала я, – Я не знаю, что с вами сделаю.
– А что ты мне сделаешь, – сказал Рощупкин.
– Укушу, сказала я.
Он протянул мне руку:
– Кусай!
Я хладнокровно взяла его руку, прицелилась и прокусила ему кожу до крови.
– Психичка! – они разбежались в разные стороны.

Я шла домой и думала о том, что я не хочу быть собой. Не хочу быть маленькой – они дразнят маленьких. Не хочу быть Ирккой – они за это дразнят. Не хочу быть Лукьяновой. Я хочу быть Машей, в нашем классе нет ни одной Маши, а Ирок две, и Лукьяновых две, я и сестра, и нас все время путают с Лукьянцевым и двойняшками Лазурскими. Я хочу быть Лазурской: лазурь – это прекрасный цвет, в конце концов, сплошная лазурь и никаких обезьяшек.

Я шла из школы, пиная облезлым носком коричневого ботинка сплюсненную консервную банку. Она гремела и скакала по выбоинам серого асфальта, пока не плюхнулась в лужу. По луже среди бензиновых разводов, золотых, малиновых и синезеленых, плыли рваные облака. Я остановилась и загляделась на бензиновые разводы. Тоненькая радужная пленка беззвучно струилась, расплывалась. Раздувались и лопались

большие и маленькие круги. По луже плавала сама красота, но никто вокруг этого не понимал. Коричневая бабка у подъезда говорила другой бабке, темно-серой:

– Я домой ехала, зашла к ним, сметана есть! А я без банки, без бидона, без ничего! Пока домой за банкой ходила – прихожу, а сметаны уже нету! Ну вот как так?

За оградой детсада ходили нелепые дети – в некрасивых пальто и колготках гармошкой, в толстых рейтузах. Дети пищали и дрались, воспитательницы в стороне степенно беседовали о чем-то своем. Только одна девочка встала у забора и выпускала из-за него на улицу мыльные пузыри. Они вились чередой, легкие и вольные, переливаясь от желтого к малиновому, от зеленого к фиолетовому. Они вылетали из-за забора детсада – и уносились куда-то к балконам пятиэтажек, к голым веткам американских кленов, к лохматым облакам ноябрьского неба. Одни пузыри распались с неслышным «пхх», теряя цвет и объем, другие терялись в бледнеющем солнечном блеске. Вчера уже шел снег. Потом он растаял, и сегодня прояснилось, но это был уже последний день перед зимой. Перед пятью месяцами сибирской зимы: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март.

Я прошла мимо детсада, четко стуча сапогами по асфальту и вздернув нос, – всем своим видом стараясь показать, что я уже ученица второго «бэ» класса. Девочку с пузырями это совсем не впечатлило. Она просто выдула новую струйку пузырей, и они наперегонки поскакали к верхушкам кленов. Я совсем не любила быть второклассницей. Я любила быть ничейной девочкой на каникулах, бабушкиной внучкой, которая сидит в ярко-зеленой траве под яблоней и ест розово-полосатое яблоко, упавшее с грушовки. Я любила выдергивать малиновые, почти сиреневые, цветки из пушистых соцветий флоксов и обсасывать их сладкие кончики. Я любила смотреть на желтые головы золотых шаров на фоне синего неба и обрывать лепесток за лепестком золотой шар, пока от него не останется куча желтых лепестков, мал-мала меньше, и голая зеленая лысинка на стебле. Я любила смотреть на кувшинки и водяные лилии, на огромных темно-синих и тонюсеньких голубых стрекоз. Любила бабочек и мотыльков – от огромных махаонов до милых голубянок, от страшноватых шумных бражников до тихих ночных бабочек, носивших белые шубки в черный горошек. Горошек, да. Душистый горошек – белый, сиреневый, малиновый, фиолетовый. Зеленый горошек – молодой и нежный, в толстых стручках. Белый червяк в самой маленькой горошине. Лето разворачивалось в моей голове само собой, слово за словом, запах за запахом, цвет за цветом – стоит только потянуть за краешек, и оно само вылезает, пестрое, счастливое и душистое, как нарядное платье Золушки из расколотого орешка (как же мы все любили «Три орешка для Золушки!»). Вылезает, разворачивается всей своей радугой и говорит: смотри, я с тобой. Смотри, весна скоро придет.

Я пришла домой, согрела в маленькой кастрюльке борщ на плите. Малиновый, веселый, жизнерадостный борщ. Зазвонил телефон.

– Это зоопарк? Позовите, пожалуйста, обезьяшку!

– Обезьяны – приматы, и с баранами не разговаривают!

А вот кстати, надо переложить мои летние сокровища из книг и салфеток в резную шкатулочку. Синие, голубые, зеленые стеклышки с моря, обкатанные, как галька. Дохлая стрекоза-коромысло с трещащими, прозрачными крылышками («охота же пакость такую тащить», сказала мама). Золотые-зеленые, волшебные-изумрудные крылья жука бронзовки. Они переливаются, как мыльные пузыри, как павлиньи перья, как радуга, как счастье. Я знаю, что счастье – вот такого цвета. Однажды мы с папой на закате видели такие облака. Они были ярко-белые, а по краям цветные – радужные. «Это иризация», – сказал папа. А дома показал, как из призмы получить радугу. В роли призмы бабушкина треугольная настольная статуэтка с резной Спасской башней.

Из папы я за прогулку вытянула что могла, а дальше у меня была Детская энциклопедия в десяти томах и Советская энциклопедия в тридцати с чем-то. Уроки я делала быстро. Оказалось, что счастье – это физический эффект. Один и тот же для всех: для радуги в небе, для крыльев тропических бабочек и золотых жуков, для бензиновых

разводов на луже и мыльных пузырей, для облаков и маминых бисерных бус. Мне стало скучно. Так скучно, как будто ты спрашиваешь фею-крестную, можно ли тебе поехать на бал, а она отвечает, что существовавшая в великосветском обществе традиция балов окончательно прервалась в 1917 году, и хотя с тех пор неоднократно предпринимались попытки ее возобновления, считать их удачными вряд ли возможно.

– Эх ты, счастье, – говорила я ему, разглядывая пену на губке, когда мыла посуду. – Тебя нет, ты просто физический эффект.

Энциклопедия рассказывала, что Ирис, или Ирида, – это богиня радуги, а цветок ирис назван в ее честь, а эффект иризации, или иридисценции, наблюдается у некоторых минералов: например, лабрадорита и опала.

Надвигалась сибирская зима: белый снег, серое небо, черные ветки. Черные заводские трубы, серые дома, серый снег. Черный снег, черная дорога, черное небо.

– Иризируй! – смеялась надо мной пена в ванной.

– Иризируй! – говорили пуговицы на мамином платье, переливаясь павлиньим хвостом.

Мир смотрел на меня радужными глазами лабрадорита. Скоро пошел снег, но снежинки мигали опаловыми огнями. Наступил новый год, и он таинственно моргал цветными гирляндами и отражался в цветных зеркальных боках елочных шаров. Начался февраль, но он оказался полон белых кружевных бабочек на фиолетовом небе. А март выкатил мне навстречу голубые тени – глубоко голубые, как айсберги у берегов Антарктиды. Я видела в энциклопедии. А потом пришла весна – и тоненькие штрихи зеленой травки на жирной черной земле вдоль теплотрассы у детсадовского забора. И желтенькая мать-и-мачеха на пригорке. А потом уже – во весь цвет, во всю ширь, во всю радугу: весна, весна. А значит, дожили, значит, скоро лето, скоро бабушка, скоро счастье.

– Лукьяшка, Лукьяшка, Лукьяшка-обезьяшка! – кричит Рощупкин.

– Рощупкин, – говорю я, – смотри, там радуга. Вон там – видишь?

Я иризирую пространство. Я превращаю все в Ир: в радужные, веселые, нестойкие контуры. Нет, я знаю, эффекта надолго не хватит. Но я еще не выяснила, отчего так волшебны золотые звезды на фиолетовых мантиях волшебников в книжках и белые душистые цветы на темно-зеленой листве поздним вечером в парке, как устроены стрекозиные крылья и паутины, как сделаны китайские веера из шелка и перламутра, почему запах чабреца выворачивает душу наизнанку, почему мне хочется плакать, когда я вижу малиновую луговую гвоздичку-«часики», отчего так печальна кукушка, чем отличаются песни кузнечиков, сверчков и цикад, о чем говорит море в маленькой серой рапане – и о чем в большой полированной розовой раковине с рогами, если поднести ее к уху. Мне еще есть о чем спрашивать мир и Большую советскую энциклопедию.

Ирина Лукьянова (род. 1961 г.) – современная российская писательница, журналистка, переводчица.

1. Творческое задание.

Вам предложили принять участие в литературном ретро-конкурсе «Русская романтическая повесть». Придумайте название для своей повести. Какими картинками художников Вы проиллюстрируете свой текст? Напишите фрагмент, включающий пейзажную зарисовку.

Примерный объем текста – не менее 200 слов.

Время выполнения – 270 минут